

УДК 801.56

КРИПТОТИП 'АДРЕСАТ/ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОСТЬ' В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Шацкая Марина Федоровна

д-р филол. наук

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Волгоград

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье представлен анализ крипто типа 'адресат/обобщенно-личность', функционирующего в аномальных, нетривиальных контекстуальных условиях – в языковой игре. Отмечаются случаи стабильности семантики этой скрытой категории, а также рассматриваются виды ее трансформаций и причины, которые их порождают.

Ключевые слова: адресат; именная группа; крипто тип; обобщенно-личность; трансформация; языковая игра.

CRYPTOCHIP 'DESTINATION/GENERALIZED-PERSONALITY' IN TERMS OF LANGUAGE GAMES

Shatskaya Marina Fyodorovna

doctor of philology

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

Abstract. The article presents the analysis of cryptochipe 'destination/generalized-personality', functioning in an abnormal, non-trivial contextual conditions – in the language game. In some cases the stability of the semantics of this hidden category, as well as its transformations and the reasons that cause them.

Key words: the recipient; nominal group; cryptochip; generalized-identity; transformation; language game.

В языкознании отнесенность действия к определенному, неопределенному или обобщенному лицу, а также выражение безличности принято рассматривать, прежде всего, в структурном синтаксисе – в системе односоставных предикатных предложений. Однако это значение присутствует в системе именных групп (об именных группах – далее ИГ – см.: [1]) как имплицитный смысл *адресат/обобщенно-личность* и анализируется в плане скрытой семантики как одна из скрытых категорий (криптотипов).

Скрытая категория (или *криптотип*) противопоставлена *явной*, или *открытой*, *категории* (*фенотипу*) и представляет собой «семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности, потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [2, с. 457-458]. С.Д. Кацнельсон [3] выделяет следующие функции скрытых категорий: 1) содержательная функция грамматической классификации, 2) функция синтаксической валентности, 3) функция скрытой деривации лексического значения. Ю.С. Маслов [4] дополняет этот ряд 4) различительной функцией.

Скрытая категория может быть классифицирующей, «если ее значение является постоянным для данной единицы» [2, с. 458], или модифицирующей (флексивной), «если ее значение является переменным для данной единицы» [2, с. 458]. Анализируемый нами криптотип 'адресат/обобщенно-личность' относится к модифицирующим категориям, но сложность избранного нами объекта исследования заключается еще и в том, что «Выделение флексивных криптотипов связано с проблемой разграничения между неоднозначностью (омонимией, полисемией) и семантической неопределенностью, между различными значениями и вариантами единого значения формы, обладающей различными денотативными возможностями. Решение этого вопроса далеко не всегда очевидно.

«Адресат/обобщенно-личность» проявляется внешним образом при выражении кореферентности или некорреферентности объекта и субъекта. Ср.: (21) *В таких случаях ты думаешь о себе, а обо мне не думаешь.* (22) *В таких случаях ты (уж) о себе не думаешь.* (23) *О тебе все время думаешь,* (24) *а ты этого не ценишь.* В (21) и в (24) 2 л. ед. ч. выражает значение «адресат», в (23) – обобщенно-личное значение (отнесенность к говорящему), (22) – неоднозначно (при наличии «уж» более вероятно обобщенно-личное значение) [5, с. 334].

Т.П. Ломтев [6, с. 136-170] привел критерии разграничения определенности, обобщенности, неопределенности и формальности в рамках исследования не только односоставных, но и двусоставных предложений (т.е. учитывая то, что для передачи указанных смыслов в предложении могут присутствовать ИГ, выполняющие функцию подлежащего). Как пишет языковед, «Среди обобщенных предметов различают следующие три подмножества: 1) грамматические лица, 2) лица (личности) и 3) предметы – одушевленные (за исключением лиц) и неодушевленные» [6, с. 146]. Односоставность, по мнению Т.П. Ломтева, не является специфичным признаком обобщенно-личных предложений и в них возможно употребление местоимений, существительных и др. в том случае, если их присутствие удовлетворяет следующим двум условиям: лицо/предмет, выраженный ИГ, «1) ... представляет собой член собирательного множества, отдельные элементы которого по определению являются тождественными, неразличающимися; 2) оно мыслится как одно, безразлично какое, и притом всякое лицо этого собирательного множества без исключения» [6, с. 152].

Опираясь на базовые положения теоретиков скрытой и синтаксической семантики, сделаем попытку описать криптотип 'адресат/обобщенно-личность', функционирующий в условиях *языковой игры*. Под термином *языковая игра* (далее – ЯИ) понимается «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/речевой, в том числе – стили-

стической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [7, с. 86]. Материалом исследования послужили произведения современной художественной литературы – М. Веллера, С. Довлатова, С. Есина, Ю. Полякова.

Как свидетельствует эмпирический материал, семантика обобщенно-личности может совмещаться с семантикой субъектности, независимо от лица местоимения – *я, ты, вам, нам* (или отсутствия данной грамматической характеристики – *себя*), – употребленного в контексте, субстантивата, актуализированного существительным или другой частью речи (*прочие, умный человек*).

Я удивился:

- *Вы что, университет кончали?*
- *Имею диплом с отличием.*
- *Так почему же вы здесь?*
- *А где же мне быть? Где же мне работать, по-твоему? В школе? Что я там буду воровать, промокашки?! Устраиваясь на работу, ты должен прежде всего задуматься: что, где и как? Что я смогу украсть? Где я смогу украсть? И как я смогу украсть?* [8, т. 3, с. 494].

В приведенном выше контексте можно увидеть, как субъект *я* переходит в обобщенную личность, выражаемую местоимениями *я, ты*.

Объединение себя с абсолютно всеми членами множества по ментальному признаку (*умный человек = для себя = кто*) сопровождается противопоставлением себя этому же множеству (*я – прочие*): *Для умного человека все истины банальны. А для себя кто ж не умен настолько, чтоб доказывать их прочим, чьи умственные способности не то чтоб презираешь, но затрудняешься заметить невооруженным глазом, и каковое занятие сродни газетной работе и каторжному развлечению по пересыпанию кучек земли по кругу. Что провоцирует развитие нервных заболеваний* [9, с. 61].

Подобное противопоставление находим и в других партитивных отношениях (начальство – младшие/подчиненные): Похоже, здесь повеселились какие-то отморозки из милиции. В семье не без урода. Это даже было бы, как говорится, «в жилу», если показать беззаконие в недрах правопорядка, в рядах доблестной милиции. Рядовые – это не начальство, а **начальство** всегда с удовольствием сдавало **младших**. Это свидетельствовало о его принципиальности и верности закону. Своих, дескать, не жалко [10, с. 331].

В следующем контексте на примере одного индивида показано отношение властей ко всем представителям социально ущемленных (государство – вам, нам), актуализирующих в местоимениях значение обобщенно-личности:

– *Пиши, малый, записывай... Уж я постараюсь. Все расскажу народу про мою собачью жизнь.*

Я спросил:

– *Разве государство вам не помогает?*

– *Помогает. Еще как помогает. Сорок рублей нам положено в месяц. Ну и ордена с медалями. Вон на окне стоит полная банка. На мандарины бы их сменять, один к четырем [8, т. 3, с. 391].*

Представление политика в обобщенно-личном значении содержит в себе элемент сомнительной верифицируемости (фрагмент в тексте подчеркнут нами – М.Ш.), а последующая фраза, наоборот, демонстрирует утверждение абсолютной истинности гипотетического действия: *А выпив, он может снять последнюю рубашку, как с себя, так и с рядового российского налогоплательщика [11, с. 416].*

Обобщенно-личность иногда выступает как первичный ложный смысл, трансформируясь далее в определенность (*одни* → *вице-премьер; некоторые* → *олигархи*): *Все у них шло путем, пока Джафара то ли из-за наркотиков, то ли за неуспеваемость, то ли за спекуляцию – хотя почему **одним** можно спекулировать и даже стать **вице-***

премьером, а другим нельзя? – то ли за какие-то иные дела, о которых знало лишь ФСБ, не исключили из университета и не выслали из России [10, с. 293].

Анализируемый скрытый смысл приобретают местоимения *ты, который, всем, некоторые*; последнее также обладает некоторой определенностью в отнесенности к типу собирательного множества (*некоторые → олигархи*):

- ...Ученым можешь **ты** не быть, но кандидатом быть обязан.
- **Каждому** свое. Не всем же строить дворцы.
- Верно. **Некоторым** приходится там и жить [12, с. 331].

Исходную семантику обобщенно-личности можно назвать спорным суждением в связи с неоправданным расширением класса *поэты* ('утверждение относится к поэтам, но не ко всем представителям этого собирательного множества оно верно'): *Если поэт, неважно – столичный или провинциальный, прочтет за столом хотя бы одну свою строчку, он уже не остановится, пока не вывалит вам на голову весь накопившийся в его душе стихотворный мусор [11, с. 35].*

Исключение из собирательного множества (*литературная братия*) происходит при самоидентификации субъекта я и, как следствие, «отмене» у него значения обобщенно-личности: *Кто ж из нынешней литературной братии не знал Сережи Довлатова? Разве что я. так я вообще мало кого знаю, и век бы не знал [9, с. 26].*

Абсурдность ситуации, представленной в следующей зевгме *Жалко, что мы все умерли или постарели [13, с. 273]*, можно расценивать как редукцию анализируемого криптотипа. Такое же наблюдается и в следующей диктете в связи с отсутствием названного объекта (*эстонское самодержавие/царизм*) и исключением значения 'адресатность':

Слово предоставили какому-то ответственному работнику газеты «Ыхту лехт». Я уловил одну фразу: «Отец и дед его боролись против эстонского самодержавия».

- *Это еще что такое?! – поразился Альтмяэ. – В Эстонии не было самодержавия.*
- *Ну, против царизма, – сказал Быковер.*
- *И царизма эстонского не было. Был русский царизм.*
- *Вот еврейского царизма действительно не было, – заметил Фима, – чего нет, того нет [8, т. 1, с. 445].*

Редуцируется семантика криптотипа и в случае перехода синтаксической конструкции в разряд онимов: *Это был профессор математики по прозвищу А Скажите Любезный [14, с. 450].*

Аномальным становится текст поздравления, который свидетельствует о трансформации семантики: обобщенно-личность лексемы *старушка* превращается в определенного адресата *бабушка*, что провоцируется названием песни и вызывает комический эффект:

- *Внук Ираклий поздравляет с днем рождения бабушку Натэллу. В ее честь исполняется лирическая песня...*
- Он выждал паузу и торжествующе договорил:*
- *Лирическая песня: «Ты еще жива, моя старушка!..» [8, т. 1, с. 217].*

В языковой игре иногда наблюдается либо синкретизм семантики адресатности и объектности: В итоге я получил полную возможность поведывать за злым зельем свои печали эстонской **кильке**пряного посола, закусывая ею из разбитого корыта [9, с. 31], либо перекодировка смыслов – адъектив становится объектом с обобщенно-личным значением:

Пришлось мне идти за водкой. К этому времени официантка принесла бутерброды и салат.

Потоцкий страшно оживился.

- *Мне – полную, – сказал он и добавил: – Люблю полненьких [8, т. 2, с. 279].*

Адресатность может быть подвержена некоторой модификации в семантической структуре предложения в результате изменения положительной характеристики на отрицательную, что происходит при обыгры-

вании лексической семантики: сакральное имя *Бог* в следующем далее контексте не актуализирует ни одного из своих кодифицированных в современных словарях значений (ср.: *Бог* – ‘верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им’ [15, с. 80]; а также ‘предмет поклонения, обожания’ [16, с. 52]). Однако эта лексема сохраняет некоторые свои семы и семные комплексы – ‘о человеке’, ‘имеющей власть, возможность влиять на что-либо’, ‘стоящий на вершине власти’, ‘объект поклонения’, – ведущие к развитию конкретизации адресата (*Бог* = *Сталин*): *Присутствовавший на похоронах малолетний Башмаков был потом некоторое время убежден в том, что его усопшая бабушка печатала бумаги для самого **Бога**, и даже доказывал это своим уличным дружкам... Отец строго разъяснял сыну, что печатала бабушка не для **Бога**, а для **Сталина**, который хоть и генералиссимус, но, если верить статье в «Правде», совсем не Бог, а скорее даже – черт* [17, с. 69].

Как свидетельствует проведенный анализ функционирования криптотипа ‘адресат/обобщенно-личность’, семантика его в языковой игре может оставаться стабильной, меняя только отдельные свои коннотативные составляющие, однако они больше отражают контекстуальную специфику ИГ на лексическом уровне. Кроме того, скрытый смысл под воздействием различных причин (влияние экстралингвальных факторов; обыгрывание партитивных отношений или многозначности; противоречивость/абсурдность высказывания; разная степень верифицируемости, определенности, конкретности изображаемого предмета действительности; расширение или сужение собирательного множества предметов) может, во-первых, редуцироваться до нуля, во-вторых, появляться у ИГ в следствие трансформации ее значения (например, субъектность → обобщенно-личность, объект → обобщенно-личность, конкретность → обобщенно-личность) или, в-третьих, синкретизма (субъектность + обобщенно-личность).

Список использованных источников

1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.: Едиториал УРСС, 2004. 112 с.
4. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М.: Иностранная литература, 1962. С. 7-35.
5. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 320-355.
6. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: Едиториал УРСС, 2004. 200 с.
7. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филологические науки. 2004. № 2. С. 79-87.
8. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2005.
9. Веллер М. Долина идолов. М.: Изд-во АСТ, 2006. 544 с.
10. Есин С.Н. Ах, заграница, заграница...: романы. М.: Дрофа, 2006. 431 с.
11. Поляков Ю. Козленок в молоке. М.: Астрель: АСТ, 2008. 444 с.
12. Веллер М. Приключения майора Звягина. М.: Изд-во АСТ, 2007. 480 с.
13. Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов». М.: Вагриус, 2001. 336 с.
14. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга I. Лицо неприкосновенное. Книга II. Претендент на престол. М.: Эксмо, 2008. 608 с.

15. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 944 с.
16. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с.
17. Поляков Ю.М. Треугольная жизнь: Романы, повесть. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2007. 682 с.